

*В этом тексте нет ни слова правды.
Правда этого текста не в словах.*

Глава 1

В мою квартиру и мою жизнь псы кровавого режима вломились без приглашения.

И длань мощная опустилась на плечо мое, и глас могучий проник в уши мои, терзая их словами жестокими:

— Пора вставать, Лев Николаевич.

— Кто? Куда? Зачем? — Я заворочался, пытаюсь сообразить, со мной ли разговаривают, где я нахожусь и что вообще происходит.

Похмелье обнимало меня, будто тяжелая, колючая и очень горячая любовница. Вчерашний вечер терялся в тумане. Я помнил только, что случилось что-то очень нехорошее. Голова трещала, как от водки с пивом, хотя, став надеждой отечественной литературы, я вроде бы безвозвратно перешел на виски с шампанским.

Длань мощная потрясла меня, словно тряпичную куклу, и я отверз таки очи свои.

И решил, что белочка с плакатом «Алкогольный делирий» наконец нанесла мне дружественный визит.

Квартира была моя, в смысле, съемная: занавески эпохи Брежнева, ужасный бордовый ковер на стене, потолок в желтых разводах от курева, люстра модели «Очень много блестящих висюлек». Раскрытый ноут на столе, рядом с ним второй — старый, с которого я пересел всего неделю назад и не успел отвыкнуть; слегка покосившееся кресло, давно принявшее форму моей совсем не спортивной задницы; заставленные книгами стеллажи до потолка — это уже не от хозяйки, это мое.

Вот только в списке предметов мебели вчера не имелось пункта «крепкие молодцы в безупречных темно-синих костюмах — 2 шт». Незваные гости могли похвастаться идентичными галстуками, короткими прическами, и даже стояли, одинаково наклонив голову к правому плечу, словно их еще в инкубаторе, откуда они вылезли, еще и программировали на определенные позы.

Двое из яйца... ой, из ларца, одинаковых с лица...

— Вы... вы... бы... кы-кы... тоо? — проблеял я.

— Вам придется проехать с нами, Лев Николаевич, — сказал один из незваных гостей, я не понял, какой, вроде бы правый.

— Но я... ничего не сделал! — Я попытался сесть, и мне это даже удалось.

Но в ушах загудела целая звонница, а комната медленно и печально поплыла перед глазами. Я разглядел пятно на обоях, кучку осколков на полу и вспомнил, что за гадость случилась вчера.

Мне стало так паршиво, что на мгновение я забыл о незваных гостях.

Маша ушла от меня! Мы поругались, потом она собрала вещи, и когда за ней захлопнулась дверь, я в ярости швырнул в стенку фужер с вином, а потом безобразно и ужасно напился, вроде бы пытался ей позвонить и рыдал в трубку, и даже полез в интернет и что-то писал в соцсетях, вряд ли умное, доброе и вечное.

Горе тебе, град Вавилон, обремененный гордыней, ибо пить надо меньше!

— Вставайте, у нас мало времени. — На мое восклицание насчет «ничего не сделал» молодцы внимания не обратили.

— У меня его очень... много... — храбро пролепетал я. — Я никуда не пойду! Сатрапы! Душителю свободы! Кто вы такие, блин!? — Голос мой сорвался на визг.

Утренние гости явно были из «органов», но вот из каких и почему, я сообразить не мог. Неужели мне припомнили

убогий рассказик, сочиненный шесть лет назад, или поход на акцию протеста еще в те времена, когда я был глупым сопляком, студентом биофака?

Или... нет, нет, невозможно!

Молодцы переглянулись и одновременно пожали плечами.

— У вас есть пять минут, чтобы привести себя в порядок, — мягко сообщил правый. — Сделаете это сами... или мы поможем. Поверьте нам, Лев Николаевич, мы умеем это делать. Только вам не понравится.

А левый улыбнулся с таким ледяным блеском в глазах, что я содрогнулся и похмелье на миг отступило.

Конечно, отважный свободный творец на моем месте гордо отказался бы выполнять распоряжения «псов кровавого режима», устроил бы лежачую забастовку или даже выпрыгнул в окно во имя свободы и демократии... Вот только я хоть и молодая звезда русской прозы, но, видимо, не такой уж отважный свободный творец. А еще я сообразил, что если меня не бьют, но велят привести себя в порядок, то вряд ли повезут прямиком на расстрел или в ужасные пыточные застенки чудовищной Лубянки.

— Э... нуу...

— Бегом!! — рявкнул правый.

Я наполовину вскочил, наполовину упал с дивана, на котором возлежал прямо в одежде. Попытался схватить телефон — первый жест человека нашей эпохи после пробуждения — но меня шлепнули по ладошке. Попробовал запереться в ванной, но дверь закрыть мне не дали. «Двое из ларца» следили, как я умываю помятый лик и чищу зубы. Что без кофе ни на что не гожусь, даже заявить не успел, мне вручили стакан воды, в котором с шипением растворялась большая белая таблетка.

— Это поможет, — сказал правый, видимо, только он в этой паре обладал даром речи или правом этой речью пользоваться.

Я поморщился и выпил залпом, как вчера глотал дорожный односолодовый вискарь, подарок от читателей из Питера... Эх, Маша, как ты могла так со мной поступить, ведь

терпела мою придурь столько времени? Как я буду теперь без тебя, без твоих подколов и стихов, без твоего тела и твоего огня? Сначала ты меня оставила, а теперь еще и это!

Или пришел для меня день гнева Его, когда никто не может устоять, и то, что казалось незыблемым, рушится в прах?

Волшебная таблетка подействовала мгновенно, и когда мы вышли из квартиры, перед глазами уже не плыло и на ногах я стоял твердо. Вот только внутри «тварь дрожащая» продолжала стучать зубами от страха и боялась даже попискивать.

Честно говоря, я надеялся, что нам встретится кто-то из соседей и я смогу крикнуть: «Страдаю за убеждения! Позвоните на «Сверкающий Дождь» или на «Эхо Столицы!»» Только, увы, никого не было ни на этаже, ни в лифте, ни на площадке внизу, у почтовых ящиков, кроме вредной бабки из сто первой, которая пробурчала: «О, поймали наконец-то наркомана проклятого, перестанет теперича своих проституток водить».

Мелькнула робкая мысль, что журналисты свободных СМИ дежурят внизу, у подъезда, чтобы зафиксировать на камеры, как надёжу русской литературы незаконно похищают власти, и затем показать этот возмутительный и бесстыдный беспредел беспечному миру. Но увы, двор наш, зажатый между двумя пятнадцатизэтажками, словно вымер, и лишь холодный сентябрьский ветер насмешливо свистнул мне в ухо.

А потом меня запихнули в машину, очень большую, очень черную и очень блестящую. Внутри я очутился между двумя молодцами, и мы тут же тронулись с места, стремительно, но мягко, за что моя утроба, истерзанная переживаниями и алкоголем, оказалась весьма благодарна.

— Куда вы меня везете? — ухитрился спросить я почти своим голосом.

— Куда начальство велело, туда и везем, — ответил правый молодец.

Левый нажал кнопку на двери, после чего окна разом потемнели, а спереди, отделяя нас от водителя, поднялась глухая

перегородка. Столица растворилась во мгле, исчезла, и я ощутил, что тоже исчезаю, растворяюсь вместе с ней, погружаюсь в густой inferнальный туман, из которого доносятся крики умученных тираническим режимом невинных жертв.

Из машины меня извлекли так стремительно, что я успел лишь сообразить — мы за городом. Прямо перед нами обнаружился даже не особняк, а настоящий дворец: мраморная лестница с широкими перилами, аккуратные клумбы, на которых цвели астры размером с кулак боксера-тяжеловеса, сверху нависали башенки, слепо блестели огромные окна то ли на трех, то ли на четырех этажах.

Это мало напоминало пыточные застенки...

Меня не столько вели, сколько тащили под руки, так что широченных ступеней я коснулся ногами буквально пару раз. Открылись громадные двери, третий молодец — клон предыдущих — кивнул моим провожатым; в зеркале, окаймленном золоченой рамой, отразилось мое лицо, белое и помятое, как простыня после ночи разврата, мелькнули всклокоченные черные волосы и выпученные глаза.

Да, беременным и впечатлительным такое лучше не показывать.

На ноги меня поставили в довольно скромном кабинете, перед столом размером с бильярдный, разве что без луз. И на меня поднял блеклые глаза человек, чье лицо я прекрасно знал, поскольку оно мелькало в телевизоре не реже какой-нибудь Пугачевой или Урганта.

Землянский, секретарь самого...

— Это тот писака? — спросил он.

— Так точно, — ответил правый молодец. — Улица Героев, дом семь, квартира сто. Горький Лев Николаевич.

Меня зовут так на самом деле, и папа у меня был Горький, и дед был Горький, и прадед был — еще до того, как Алексей Максимычу вздумалось обзавестись звучным псевдонимом.